

IX международная конференция «Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации»

Л. В. Горяева

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>; e-mail: goriaeva@mail.ru

Резюме: 28–30 октября 2019 г. в Институте востоковедения РАН прошла очередная, IX конференция «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации». В этом научном форуме приняли участие исследователи разных направлений восточного источниковедения: исторического, лингвистического и литературоведческого. Предметом их внимания участников и объектом анализа стали письменные памятники на более чем десяти восточных языках. На разнообразном материале всеми 30 докладчиками, представлявшими научные и учебные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы и Оломоуца (Чехия), были продемонстрированы различные подходы к материалу, оцененные по достоинству участниками конференции. Пленарное заседание открывал академик РАН В. М. Алпатов. Он отметил, что междисциплинарный формат, сложившийся за годы работы конференции, служит особым притягательным фактором для исследователей историко-культурного и письменного наследия стран Востока. Более трети участников конференции выступали на ней впервые. В данном обзоре коротко сказано о наиболее значимых докладах, сделанных участниками конференции.

Ключевые слова: Институт востоковедения РАН; интерпретация памятников; международная конференция; письменные памятники Востока; проблемы перевода

Для цитирования: Горяева Л. В. IX международная конференция «Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации». *Ориенталистика*. 2019;2(4):1081–1094. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-1081-1094.

The 9th International Conference “Written Historical Sources of the East. Aspects of Translation and Interpretation”

L. V. Goriaeva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>; e-mail: goriaeva@mail.ru

Abstract: on October 28–30, 2019, at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, was held the 9th International Conference “Written Historical

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Sources of the East. Aspects of Translation and Interpretation”. It attended by Orientalist scholars of different specialties: historians, specialists in languages and historians of literature. They offered their interpretation of the wide variety of historical sources written in more than 10 languages. The variety of researched material invited various approaches and methods of its analysis as it has been demonstrated by 30 speakers, who represented institutions of Moscow, St. Petersburg, Ufa and Olomouc (Czech Republic). The Conference was opened by Professor Vladimir Alpatov, the Member of the Russian Academy. In his talk, he highlighted the fact that the interdisciplinary format of the Conference has transpired to attract various scholars who work on various aspects of the history of the East. Over a third of the conference participants attended it for the first time. The present communication provides a summary of the most interesting talks made at the conference.

Keywords: East, written historical sources of, interpretation, aspects of; Institute of Oriental Studies RAS

For citation: Goriaeva L. V. The 9th International Conference “Written Historical Sources of the East. Aspects of Translation and Interpretation”. *Orientalistica*. 2019;2(4):1081–1094. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-4-1081-1094.

28–30 октября 2019 г. в Институте востоковедения РАН прошла очередная, IX конференция «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации». Как и в предыдущие годы, в этом научном форуме приняли участие исследователи разных направлений восточного источниковедения: исторического, лингвистического и литературоведческого. Предметом их внимания и анализа были письменные памятники на арабском, персидском, вьетнамском, индонезийском, китайском, японском, бирманском, старотюркском языках, а также на санскрите и иврите. По сложившейся традиции, пленарное заседание открывал акад. РАН В. М. Алпатов, отметивший, что с каждым годом интерес к тематике конференции не только не уменьшается, но и возрастает. Междисциплинарный формат, сложившийся за годы ее работы, служит особым притягательным фактором для исследователей историко-культурного и письменного наследия стран Востока. Более трети участников конференции выступали на ней впервые.

В своем докладе «От Ибн Сины до “уликовой парадигмы”: персидские истории о чтецах следов и их реинтерпретация на Западе» Н. Ю. Чалисова (Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ) рассказала о том, как перевод персидского сочинения на европейские языки повлиял на осмысление новой эпистемологической парадигмы в гуманитарных науках. Речь шла о сюжете из поэмы Амира Хусрава Дихлави «Восемь раев», где индийская принцесса рассказывает сасанидскому царю Бахраму Гуру сказку о трех принцах из Сарандипа (совр. Шри-Ланка, Цейлон) и о том, как этот мотив прозвучал в творениях европейских авторов – Вольтера, Т.Г. Хаксли, а позднее – Эдгара По и А. Конан Дойля. Первоначально подобные истории фольклорного происхождения группировались вокруг

фигуры философа и врача Абу ‘Али ибн Сины. Докладчица отметила, что в развлекательной литературе Ибн Сина предстает не только как врач, распознающий болезнь по симптомам, но и как прототипический детектив, восстанавливающий по уликам ход событий.

М. Ю. Илюшина (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), выступившая с сообщением «“Портрет” мамлюкского султана Инала (1453–1461) в арабских источниках XV–XVI вв.», рассмотрела характеристики этого правителя, содержащиеся в трудах четырех историков мамлюкской эпохи: Ибн Тагри Бирди (1409–1470), Ибн Ййаса (1448–1524) и двух представителей сословия улемов – ал-Бика‘и (1406–1480) и ас-Сахави (1427–1497). По мнению докладчика, подобные «портреты», несмотря на их очевидную субъективность, представляют и значительный интерес, и большую ценность для исследователя, поскольку служат «лакмусовой бумагой» для выявления отношения автора источника к герою его повествования. Их изучение и сопоставление позволило исследовательнице выявить наиболее достоверные штрихи в «портрете» султана и приблизиться к более адекватному пониманию самого источника, а также того, как социальное положение автора сочинения, обстоятельства его карьеры и иные факторы повлияли на характер исторического материала, помещенного им в свой труд.

О том, каким образом провозглашение исна‘ашаритского толка ши‘изма государственной религией при Исма‘иле Сефевии (1487–1524) отразилось на иранских монетах, рассказывалось в докладе *А. В. Акопяна* (Институт востоковедения РАН) «Долгая жизнь хузестанских монет с центральной надписью ‘Али вали Аллах». Обязательное добавление фразы «‘Али вали Аллах» («‘Али – друг Аллаха») в конце шахады на их лицевой стороне связывается с легендой о путешествии Шах Мехмеда (одно из воплощений ‘Али, т.е. божества) в Хувейзу, где чеканились монеты с его именем. На одной стороне выбито слово «Хавизе», на другой – исповедание мусульманской веры. Исследователь предположил, что перенос акцента в шахаде на ‘Али, закрепившийся в населенном сектантами Хузестане, подвергся позднее двоякой интерпретации в иранской среде. Среди самих сектантов текст хузестанских монет был проинтерпретирован как чекан божества, Шах Мехмеда, тогда как в официальной среде была создана легенда об исключительном качестве этих монет, объясняющая особое расположение населения к ним на протяжении нескольких веков.

Е. М. Берзон (РГГУ), представившая доклад «Деятельность и полномочия соправителя царя в селевкидской Вавилонии: пример Антиоха I», посвятила его институту соправительства в царстве Селевкидов, где он служил инструментом легитимной передачи власти от царя его наследнику, а также выполнял административную функцию. Исследовательница рассмотрела ряд вавилонских хроник, в которых сообщается о деятельности māg šarri («сына царя») в городе Вавилоне и его окрестностях. Из них явствует, что престолонаследники (в том числе и Антиох I), как пра-

вило, получали назначение в качестве правителей восточных сатрапий царства и имели своей главной резиденцией Селевкию-на-Тигре – столицу Верхних сатрапий державы Селевкидов. В общих чертах полученные результаты могут прояснить природу власти и сущность административных функций «младшего царя» в целом, а институт соправительства должен рассматриваться как элемент сложной системы управления провинциями в державе Селевкидов.

О стихотворениях *вака* в составе сборника исторических анекдотов XII в. шла речь в докладе *М. В. Торопыгиной* (Институт востоковедения РАН, Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ) «Сюжеты “Новых юэфу” Бо Цзюйи в японском памятнике XII в. “Кара моногатари” (“Рассказы о Китае”). Внимание исследовательницы привлекли шесть историй сборника, обнаруживающих сюжетные соответствия с поэтическими произведениями китайского поэта Бо Цзюйи (772–846). Среди сочинений Бо Цзюйи, хорошо известных в Японии, был цикл из пятидесяти стихотворений – «Новые юэфу» (кит. *синь юэфу*, яп. *сингафу*). «Новые юэфу» были сочинены автором с целью «выявлять и исправлять пороки века». Несмотря на то что темы бедности, угнетения, народных несчастий не входили в число тем, затрагиваемых японской литературой, «новые юэфу» вызвали в японском обществе большой интерес. В «Кара моногатари» с сюжетами «новых юэфу» соотносятся три рассказа, сюжеты которых вписываются в основную тему произведения – чувств и отношений между мужчиной и женщиной.

И. Б. Иткин (Институт востоковедения РАН ~ НИУ ВШЭ) и *А. В. Курицына* (НИУ ВШЭ), выступившие с докладом «Тохарская В рукопись из Сенгима: проблемы реконструкции и интерпретации», рассказали о ходе своей работы над «ранее неизвестным» сочинением – тохарской В рукописью из Сенгима. Как показали авторы доклада, этапу перевода и интерпретации этой рукописи неизбежно должен был предшествовать этап установления самого факта ее существования. К этой рукописи относится не менее 50 неопубликованных текстовых фрагментов из собрания Берлинской библиотеки, которые никогда не рассматривались вместе, тогда как большинство из них соединяется друг с другом, образуя несколько отдельных листов (к сожалению, далеко не целых). Восстановленная таким образом сенгимская рукопись очень интересна как с точки зрения общей структуры, так и с точки зрения содержания. По-видимому, она представляет собой сборник *авадан* (нравоучительных историй), важнейшую роль в которых играют цитаты из канонических сочинений на санскрите.

Житийным сочинениям, содержащим предания о духах, традиционно почитаемых в качестве покровителей местности в общинах Вьетнама, было посвящено сообщение *Е. В. Гордиенко* (РГГУ) «Основные источники вьетнамских повествований о духах – хранителях деревенских общин

(*тхантыть*) на примере повествования о воительнице Нгок Тьи». Можно предположить, что историческое зерно предания о воительнице Нгок Тьи и ее сыновьях, а также житийные подробности повествования, в течение долгого времени имели фольклорную форму. Сведения об участии Нгок Тьи и ее сыновей в антикитайских военных кампаниях 40–42 гг. во главе с сестрами Чынг (вдовами казненных представителей местной знати), вероятно, хранились в письменном виде в общине усилиями конфуциански образованной деревенской элиты. По мнению исследовательницы, самые крупные исторические реалии и канва повествования, безусловно, являются результатом редакторской работы придворных историографов (предположительно XVI в.).

И. С. Колнин (НИУ ВШЭ), выступивший с докладом «Ван Даюань 汪大淵 и Дао и чжи люэ 島夷誌略 (“Краткое описание островных чужеземцев”; ДИЧЛ; 1349/1350 гг.) – китайский Марко Поло и “Книга о разнообразии мира”?», посвятил его уникальному историко-географическому источнику о странах Южных морей эпохи Юань (1279–1368), составленному на основе лично увиденного автором. Докладчик подчеркнул, что в эпохи Мин и Цин памятник хранился лишь в частных собраниях, тогда как другое сочинение конца эпохи Юань – начала Мин Июй чжи 異域志 («Описание диковинных краев»; ИЮЧ) было очень популярно и широко перепечатывалось. Исследователь провел параллель между ДИЧЛ и «Книгой о разнообразии мира» Марко Поло (1254–1324), которая в свое время также не удостоилась должного внимания и вызвала шквал критики в адрес ее автора. По мнению автора доклада, причина в том, что работы такого жанра, как ИЮЧ, изобиловали различными небылицами, невиданными существами и т.д., тогда как в ДИЧЛ и «Книге» этих описаний было значительно меньше, и они ценились узким кругом людей именно за свою достоверность и реальные полезные сведения.

Автор доклада «Исторический миф о победе над Хубилай ханом в отражении бирманских надписей XIV в. из районов Зэгайна и Пиньи» *И. А. Зайцев* (Институт стран Азии и Африки МГУ) посвятил его эпизоду о родстве того или иного правителя с государем Тихатурой, победителем императора династии Юань, Хубилай хана, нашедшему свое отражение в бирманских государевых надписях в контексте перечисления царских заслуг. Докладчик отметил региональные различия в воспроизведении рассматриваемого эпизода. Так, в надписи государыни Со Хубилая награждают титулом вселенского правителя. Исследователь подчеркнул двойственный характер интерпретации этого термина. Во-первых, это могло указывать на величие хана и его стремление к покорению чужих территорий, поскольку, в представлении буддистов, вселенский правитель должен совершать военные походы и захватывать ранее не принадлежавшие ему земли. Во-вторых, согласно более поздним бирманским источникам, одним из атрибутов вселенского правителя являлась актив-

ная борьба за трон. Тем самым употребление термина вселенского правителя по отношению к Хубилаю могло указывать на осведомленность бирманцев о конфликте Хубилая с его братом Аригом-буги и обстоятельствах восшествия Хубилая на трон.

Сообщение М. В. Бабковой (Институт востоковедения РАН) «Исторические лица в 19-м свитке “Собрания стародавних повестей”» было посвящено самому крупному собранию буддийских коротких поучительных рассказов, *эцува*, – «Кондзяку моногатари сю». Рассказы могли быть «буддийскими» или «мирскими», в зависимости от того, кто их герои – монахи или светские люди, участвуют ли в происходящих событиях будды или бодхисаттвы и что написано в заключительном пассаже, где рассказчик подводит итог всей истории. 19-й свиток включает 44 рассказа, из которых первые 16 повествуют о том, как главный герой уходит в монахи (*сюккэ*); а остальные – о разных происшествиях. Среди персонажей 19-го свитка фигурируют государи и государыни, знатные воины, знаменитые буддийские подвижники и наставники. В докладе сообщалось, какие исторические лица упоминались в рассказах, из каких источников брались сведения о них, существует ли какая-то общая схема отдельного рассказа и каким образом вся эта картина соотносилась с более поздним изложением истории японского буддизма – «Буддийскими записями годов Гэнко» («Гэнко-сякусё»).

Е. В. Тюлина (Институт востоковедения РАН) выступила с докладом «Классификации как принцип организации материала в текстах по строительству (*вастувидье*) в пуранах». В нем рассматривались самые важные схемы и матрицы, использовавшиеся для описаний и объяснений разных явлений (устройства участка для строительства; классификаций материалов, зданий, растений; описаний веществ для подношений; флагов и штандартов; водоемов; устройства города и т.д.). В основе классификаций лежат несколько основных схем, с помощью которых строится описание и перечисление явлений: 1) расположение по сторонам света; 2) антропоморфное соотнесение объектов с различными органами человека; 3) схема первичного творения, т.е. соединения трех гун (саттвы, раджаса и тамаса) и пяти элементов – таттв (пространства, ветра, огня, воды, земли); 4) ценность с точки зрения религиозной заслуги (пуньи); 5) соответствие различным богам и их формам. Использование сходных схем в изложении материала *вастувидьи* придает видимое единство тексту, представляющему собой компиляцию из произведений, отличающихся по происхождению, предназначению и времени создания.

Автор доклада «Об использовании понятия *миньян* в первом уставе Братства соблюдающих утро из Венеции» Е. Д. Зарубина (Институт востоковедения РАН) рассказала об условиях проведения общественного богослужения и некоторых обрядов в еврейской общине Венеции в XVI–XVII вв. – в частности, о необходимости соблюдения принципа *миньян*,

обозначающего собрание из десяти мужчин, достигших религиозного совершеннолетия (13 лет). Братство соблюдающих утро включало членов сефардской (левантийской), итальянской и, по-видимому, некоторых других конгрегаций. Формально оно было основано для соблюдения каббалистического ритуала, пришедшего из Цфата, – так называемого соблюдения утра, но в действительности его деятельность в Венеции включала как религиозный, так и светский компоненты. В его функционировании, в частности – в контекстах употребления понятия *миньян* в этот период обнаруживаются явные модернизационные тенденции, когда оно теряет свой отчетливо религиозный смысл и становится синонимом «кворума» членов Братства, необходимого для осуществления какой-либо процедуры. Одновременно с этим сами процедуры через использование религиозного вокабуляра встраиваются в ряд сакрализованных общинных действий.

В докладе *Е. В. Коровиной* (Институт языкознания РАН) «К границам стиха: заметки об одном фрагменте кохау ронгоронго» говорилось об одном из направлений работы с недешифрованными системами письма: поиске аналогов к фрагментам надписей среди текстов, записанных на родственных языках в известной графике. Как отметила исследовательница, в текстах кохау ронгоронго (письменности острова Пасхи) среди многочисленных высокоструктурированных последовательностей выделяется фрагмент в начале текста Аруку – Куренга, представляющий собой пятикратное повторение короткого фрагмента с вариациями. Традиционно он сближается с поэтическими фрагментами на полинезийских языках, однако в действительности, как представляется, его прямых аналогов среди них не обнаруживается. На примерах из различных полинезийских традиций автор доклада показала, чем данный отрывок отличается от последних, и предложила свой взгляд на вопрос, почему подобные структуры делают гипотезу о «стихе» привлекательной.

Ю. И. Дробышев (Институт востоковедения РАН), представивший доклад «“Да всем Бог!”: по поводу монгольского ультиматума русским князьям в 1223 г.», посвятил его одному из самых ранних сообщений о первом столкновении русских с монголами, содержащемся в Новгородской первой летописи. В нем рассказывается, что русские князья вняли просьбе половцев о совместном отпоре незванным гостям. Монголы дважды присылали на Русь парламентеров. Первое посольство было вырезано, второе доставило русским следующий ультиматум: «А есте послушали Половьчъ, а послы наша есте избили, а идете противу нас, тъ вы пойдите; а мы васъ не заяли, да всъмъ богъ» (НПЛ, лл. 97–98). Заключительные слова породили широкий разброс мнений: от представления об их фальсифицировании русским книжником до приписывания их якобы находившемуся среди монголов мусульманину. По мнению автора доклада, эти слова были типичной концовкой монгольских ульти-

матумов XIII в., согласно Великой Ясе – имперскому своду законов. Словом «Бог» было передано имя высшей духовной сущности монгольской картины мира – Вечного Синего Неба (Тэнгри), олицетворения истины и справедливости. Тем самым монголы, верившие в свою небоизбранность, предупреждали, что всякое сопротивление им обречено на провал.

Выступивший с докладом «Муса Бигиев о проблеме пьянства сквозь призму Торы, Илиады и Корана» А. Г. Хайрутдинов (Институт истории АН Республики Татарстан) рассказал о книге татарского религиозного мыслителя Мусы Бигиева (1873–1949) под названием «Шәригать исламиядә мәскират мәсьәләләре» («Проблема опьяняющих напитков в исламском законодательстве»). В ней М. Бигиев разъяснил причины обращения к этой теме, ее злободневность, изложил свое видение причин возникновения традиции употребления алкоголя, и вынес фетвы с целью положить конец пьянству среди мусульман, разрешенному древними знатоками шариата. Для автора доклада особый интерес представило обращение Бигиева к предыстории проблемы, когда в поиске причин этого социального зла, поразившего человечество, ученый исследовал Тору и «Илиаду» Гомера, а также трактовка Бигиевым аятов Корана, легших в основу его фетвы по опьяняющим напиткам. В докладе рассматривался ряд конкретных примеров интерпретации Бигиевым упомянутых выше источников.

Предметом доклада И. Р. и Ю. А. Саитбатталовых (Башкирский государственный университет, г. Уфа) «Сюжетные повествования в толковании Тадж ад-Дина б. Йалчигула к Корану»¹ явился один из наиболее объемных (376 с.) и противоречивых памятников коранической экзегетики народов Урало-Поволжья. Толкование охватывает первую, начальные аяты второй, тридцать шестую, сорок восьмую и все последующие суры Корана, а сам толкователь опирается на данные классической арабской филологии, а также на обширную агиографическую литературу. Исследователи показали, что в структуре комментария ко многим сурам присутствуют сюжетные повествования разного объема, имеющие законченную композицию и выстроенные вокруг одного события. Отношения коранического текста и повествования могут быть различными: повествование может комментировать суру в целом, группу сур, группу аятов или отдельное слово. Авторы отметили, что сюжетные повествования, прямо не ссылающиеся на источники, вызывали наибольшее неприятие со стороны богословов-модернистов XIX – начала XX в., однако именно они демонстрируют стремление Тадж ад-Дина представить Коран как целостное, всеохватное знание, связанное как с историей человечества, так и с актуальными запросами верующих.

¹ Подготовлено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект МК5443.2018.6).

Е. А. Юдицкая (Институт востоковедения РАН), выступившая с докладом «О двух примерах речевого сбоя в прологе и основном тексте санскритской драмы», рассказала о четкой структуре этого жанра, сохранявшейся на протяжении всей его истории и состоящей из двух стадий: пролога, представляющего собой сложную самодостаточную конструкцию, и основной части. Одна из главных задач пролога – обеспечить переход от мира повседневности к воображаемому миру. В заключительной части пролога на сцену буквально врываются персонажи пьесы, часто за сценой звучит их речь. Исследовательница показала, что, несмотря на наличие строгого канона и нарочитую узость сюжетных схем, а также системы персонажей и композиционных приемов, в санскритской драме неизменно присутствует элемент новаторства, обычно в качестве аберрации или усложнения устоявшегося элемента. На примере прологов к драмам «Перстень Ракшасы» Вишакхадатты и «Прибранные волосы» Бхатты Нараяны автор доклада показывает, что в композиции драмы ключевую роль играют речевые ошибки разного типа, и подробно рассматривает одну из них.

В. А. Розов (СПбГУ) в докладе «Звуковой символизм в Коране: функциональный и сопоставительный анализ»² сосредоточил внимание на доисламской традиции сакральной речи в Аравии и, в частности, на таком ее специфическом свойстве, как звуковой символизм или ономапоэя. Исследователь отметил, что в кораническом тексте этот прием полифункционален и служит для реализации ряда коммуникативных целей: 1) маркирует сакральный характер текста и отделяет его от профанной речи; 2) используется в качестве художественного средства, передающего эмоциональный настрой или помогающего описывать природные или космические явления и 3) является своего рода производным эффектом (и вместе с тем дополнительным средством усиления) характерной для Корана аллитерационной рифмы, в том числе возникающей из-за единства морфологических моделей слов, завершающих айаты. Автор доклада подчеркнул, что широкое использование звукового символизма в Коране, особенно в ранних сурах, побуждает к дополнительному исследованию, с привлечением сравнительного материала из других культур и учетом новых подходов к изучению морфологических особенностей арабского языка.

О. А. Соколов (СПбГУ), прочитавший доклад на тему «Арабграфические рукописи из коллекции Библиотеки им. Горького СПбГУ как источники по изучению обрядов перехода у мусульман Волго-Уральского региона»³, рассказал о значении этих документов для иссле-

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-012-00849.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00303.

дования аспекта ритуальных практик мусульман Поволжья в XVIII–XIX вв. Большинство относящихся к обрядовой тематике рукописей написано на арабском языке с комментариями на тюрки. Как отметил автор доклада, среди основных типов таких молитв необходимо назвать молитвы для превращения вещества из обычного в наделенное особыми сакральными свойствами, молитвы об общем исцелении больного, т.е. о переходе от болезни к здоровому состоянию, а также молитвы об исцелении от конкретных болезней. Широкий охват и соотнесенность молитв с повседневной жизнью свидетельствует о глубоком проникновении мусульманского ритуала в повседневный быт. Анализ текстов молитв, приведенных в рукописях, позволяет также проследить интеллектуальные связи между различными частями мусульманского мира и влияние традиций одного региона на традицию другого.

В сообщении *Д. В. Микульского* (Институт востоковедения РАН) «Французский перевод трактата “Благоуханный сад для духовных усад” шейха ан-Нафзави (конец XIX в.): история адаптации восточного текста для французского читателя» рассказывалось о существующих версиях перевода известного арабского эротического трактата XIV в. Первая из них была опубликована в 1850 г. неким бароном R, за ней последовало издание И. Лизо 1886 г., содержащее несколько видоизмененный текст того же перевода и вышедшее вторым изданием в 1904 г. Наконец, в 1953 г. издательством Arcanes был вновь переиздан этот заслуживающий внимания памятник французского переводческого искусства. По наблюдению исследователя, упомянутое издание по составу глав и входящих в них материалов несколько отличается от оригинальной, арабской версии текста. Последний на сегодняшний день французский перевод памятника был опубликован в 1976 г. французским арабистом арабского происхождения Р. Хавамом (1917–2004).

В докладе *Д. Е. Мишина* (Институт востоковедения РАН) «*Шах-намэ* Фирдоуси как источник по истории Сасанидов» были представлены некоторые наблюдения исследователя, сделанные при рассмотрении великой персидской эпопеи и позволившие ему прийти к некоторым выводам. Он предположил, в частности, что Фирдоуси опирался не на сасанидские первоисточники, а на одну из их арабских переработок: на это указывает употребление арабизированных имен там, где можно было бы ожидать появления персидских. В то же время источник Фирдоуси не тождествен ни с одной из дошедших до нас мусульманских историй Сасанидов, что видно, прежде всего, по указанным в эпопее датам правления царей, нигде полностью не совпадающим с каким-то одним мусульманским источником. По мнению докладчика, источник Фирдоуси был, очевидно, полнее дошедших до нас мусульманских источников и вобрал в себя сюжеты, обычно не встречающиеся в мусульманских передачах сасанидской литературы.

М. Л. Рейснер (Институт стран Азии и Африки МГУ), представившая доклад «Вариации мотива заочной влюбленности в персидском любовно-романическом эпосе (XI–XV вв.)», обратилась к проблеме формирования канона персидской любовно-романической поэмы, начиная с эпопеи Фирдоуси. Она отметила, что позднее данный мотив стал одним из устойчивых элементов сюжета, развиваясь по двум линиям: в одних *маснави* это влюбленность по портрету, в других – влюбленность во сне. При наличии вариантов мотив обладает постоянной функцией в сюжете (причина возникновения чувства) и сопровождается компонентами описательного характера (*васф*). В «Семи красавицах» Низами происходит «сращение» мотива влюбленности по портрету с другим постоянным мотивом любовно-романических повествований – строительством дворца. Своеобразную версию мотива дает ‘Аттар в рассказе о Раби’йе бинт Ка’б: героиня сопровождает письмо с признанием в любви своим автопортретом. Исследовательница подчеркнула, что во всех историях мотив заочной влюбленности не только является устойчивым элементом повествовательной структуры, но выступает как прием включения в текст описаний красоты.

В докладе «*Salutatio* в поэме Фирдоуси “Шах-наме”: структура и лексика формальной рамки посланий» его автор, С. В. Лахути (Институт востоковедения РАН, РГГУ), рассмотрела приветствие как важную часть письма в большинстве культур от древности и до наших дней. Наличие такой рамки, т. е. повторяющихся «этикетных» частей, которые обрамляют содержательную часть письма, является характерной чертой эпистолярного жанра в целом. Послания в поэме Фирдоуси «Шах-наме» (X–XI вв.) не оказываются исключением: около половины из них содержат те или иные элементы формальной рамки. При отображении посланий в художественном тексте формальная рамка в зависимости от авторского замысла может приводиться как в полном, так и в усеченном виде, а может и совсем не приводиться, особенно в длинных цепочках сообщений. В своем докладе исследовательница рассмотрела специфику приветствий в «Шах-наме», в том числе и в соотношении с другой частью формальной рамки посланий, а именно с адресной частью – унваном.

Региональному аскетико-мистическому движению «(само-)порицания» был посвящен доклад М. А. Алонцева (НИУ ВШЭ) ««В эту эпоху пророк был бы из их числа»: движение *маламатиййа* в “Поминании друзей Божиих” Фарид ад-дина ‘Аттара». Как отметил исследователь, движение *маламатиййа*, возникшее в Хорасане во второй половине IX в., первоначально представляло собой серьезную мировоззренческую и идеологическую альтернативу проникавшему в регион суфийскому учению. Однако впоследствии суфизм вышел на лидирующие позиции во всем мусульманском мире, а локальные движения либо бесследно исчезли, либо инкорпорировались в систему суфийских мировоззренческих установок. В сочинениях Абу ‘Абд ар-Рахмана Сулами (ум. 1021) «(само-)порицаю-

щие» представлены как носители суфийского благочестия, а «(само-) порицание» изображается как одна из традиционных суфийских доблестей. В дальнейшем именно эта традиция описания *маламатиййа* была воспринята и развита суфийскими авторами, однако в текстах можно выделить как стратегии «адаптации» представителей *маламатиййа* к суфийской среде, так и следы противоречий, существовавших между конкурировавшими в недалеком прошлом мистическими учениями.

Автор доклада «“Долины” *Мантик ат-тайр* в других поэмах ‘Аттара», Л. Г. Лахути (Институт востоковедения РАН), рассмотрела концепцию стоянок – «долин», лежащих на духовном пути суфийского подвижника. По мнению исследовательницы, эта концепция выступает одним из структурообразующих начал всех трех поэм-*маснави* ‘Аттара: *Мантик ат-тайр* («Язык птиц»), *Мусибат-наме* («Книга печали») и *Илахи-наме* («Божественная книга», или «Книга воззвания к Богу»). Все они построены как обрамленная повесть и содержат множество вставных рассказов. В *Мантик ат-тайр* эти стоянки (этапы пути) – «долины», эксплицитно названные и описанные, – определяют ход повествования. В двух других в рамочной истории прямое описание пути и его стоянок отсутствует, тем не менее можно видеть, что и в той и другой поэме узловые моменты повествования определяются теми же этапами пути. В докладе обсуждались две первые долины (этапы пути, стоянки) – «Искания» (*talab*) и Любви (*išq*).

Н. И. Пригарина (Институт востоковедения РАН) в докладе «Ранняя поэзия Лахути и ее связь с суфийскими учениями» рассказала о малоизвестной странице творчества Абулькасима Лахути (1887–1957) – разделе его «Дивана», обозначенном как *Аш‘ар-е мазхаби ва ‘ирфани* («Религиозные и суфийские стихи») и состоящем из религиозных произведений крупных форм (*тарджи‘банд*, *таркиббанд*, *мухаммас*), а также фрагментов (*кит‘аат*) и газелей (*газалиййат*). Туда же входят традиционные жанры: описание единства Божьего – *таухид*; *на‘т* – восхваление пророка Мухаммада, Али, имама Хусейна, оплакивание событий в Кербеле, восхваление наставника шейха Хейрана Курдистани и еще ряд произведений. По свидетельству поэта, он вступил в орден не‘матуллахи и имел последовательно трех наставников, каждый из которых представлял три вида суфийского пути – экстатически-визионерский, воинствующий и, наконец, путь скромного безгрешного поведения и довольствования малым. Соответственно, в *газалиййате* можно условно выделить три направления: экстатическое, «жестокое» и «уравновешенное». В творчестве этого периода можно найти и знакомство Лахути с доктриной *ахл-е хакк*, или ‘али-илахи. В докладе была прослежена связь его поэзии с учениями суфийских братств, отразившимися в поэтике газели.

Одному из самых известных разделов поэмы «Язык птиц» (*Мантик ат-тайр*) ‘Аттара был посвящен доклад Ю. Е. Федоровой (Институт фило-

софии РАН) «“Долина искания” Фарид ад-Дина ‘Аттара: опыт философской интерпретации». Рассказ о семи долинах наряду с эпизодом встречи тридцати птиц (си мург) и их Царя (Симург) является одним из самых известных разделов поэмы. Отправной точкой странствия птиц к Симургу становится долина искания (*vadi talab*). Именно с нее начинается описание всех остальных долин, а также вводится ряд важнейших понятий суфийской теории, среди которых особо следует выделить два: *макам* (стоянка на пути) и *хал* (особое состояние души). Описанию долины искания ‘Аттар отводит довольно внушительный объем текста, активно привлекая традиционную суфийскую систему образов и подкрепляя свою мысль разнообразными притчами. В своем докладе исследовательница представила реконструкцию ‘аттаровского понимания суфийского термина *талаб*, выстроенную на основе анализа конкретных фрагментов текста «*Мантик ат-тайр*», посвященных описанию долины.

М. В. Выжлаков (Университет Палацкого в Оломоуце, Чехия) представил слушателям доклад «Знание и понимание в тохарском А: глаголы *knā-* и *kārs-* и их производные». В нем уточняется перевод тохарских А глаголов *knā-* и *kārs-*, которые в научной литературе обычно передаются синонимично – «знать, понимать», в некоторых случаях – как «признавать, считать (что-то чем-то)». Докладчик отметил, что глагол *knā-* является относительно редким, в то время как *kārs-* встречается более 130 раз. Дериваты показывают обратную ситуацию: в значительной степени лексикализованное причастие *knāntām* и производное от него существительное *knāntune* засвидетельствованы 42 и 53 раза соответственно, тогда как отглагольное существительное *kārsālune* – лишь четырежды. На основе анализа тохарских А текстов и их древнеуйгурских параллелей было показано, что *knā-* акцентируется на незавершенности, генерализованности действия, демонстрируя заметную тенденцию к неопределенности, в отличие от *kārs-*. В целом семантика *knā-* строится вокруг факта или состояния владения информацией (собственно «знать», в том числе, вероятно, и «знать кого-то, быть знакомым»), тогда как *kārs-* – на процессе или степени усвоения информации («понимать, узнавать, осознавать»). Употребление *kārs-* в конструкциях типа «понимать А как В» позволяет с уверенностью предложить для него также значение «признавать, считать».

М. В. Фролова (ИСАА МГУ), выступившая с сообщением «Яблоко и нож: Йусуф и Зулейха по-индонезийски», посвятила его рассказу «Яблоко и нож» (Apel dan Pisau, 2008) индонезийской писательницы Интан Парамадиты и связи последнего с библейско-коранической историей о Йусуфе и Зулейхе. Транспозиция сюжетных мотивов с Ближнего Востока к принявшим ислам народам Нусантары прошла через «Повесть о Юсупе» (XVII в.). К истории Иосифа Прекрасного обращается и современная писательница Интан Парамадита. Главная героиня ее рассказа носит имя Чик

Джули, напоминающее имя жены фараона (Джулека/Зулейха), ее мужа зовут Азиз (как и «вазира» Египта). Замужняя красавица заводит роман со студентом Йусуфом, снимающим комнату в их доме. Фабула воспроизводит эпизод с «знатными египтянками» (а именно с гостями – сплетницами, родственницами и соседками), поранившими себе руки ножиками при виде красоты Йусуфа, но сохраняет при этом присущие Интан Парамадите *hoggor*-обертоны. Акцент рассказа сделан на предметной образности, вынесенной в заглавие – яблоко и нож читаются как символы соблазнения и мести. По мнению автора доклада, предложенный материал может быть любопытен всем изучающим архетипизированных «Йусуфа и Зулейху» на примере современного индонезийского рассказа и свидетельствует о неугасающем интересе к фундаментальному библейско-кораническому сюжету как источнику авторской интерпретации.

* * *

Говоря об итогах состоявшейся конференции, необходимо отметить высокий профессиональный уровень прозвучавших там докладов. Это свидетельствует не только о росте репутации нашего научного форума, но и о другом, не менее важном обстоятельстве: к сфере так называемого академического, или классического, востоковедения сегодня по-прежнему тяготеют люди, готовые в своих поисках идти трудной тропой исследователя первоисточников и продолжить славные традиции отечественной ориенталистики. Мы, со своей стороны, пользуемся всеми возможностями, чтобы рассказать как о наших конференциях, так и о работе семинара «Текстология и источниковедение Востока» и привлечь в свой круг коллег из других научных и учебных учреждений.

Информация об авторе

Горяева Любовь Витальевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Liubov V. Goriaeva, Ph. D (Philol.), Leading research fellow, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23 ноября 2019 г.
Одобрена рецензентами: 29 ноября 2019 г.
Принята к публикации: 2 декабря 2019 г.

Article info

Received: November 23, 2019
Reviewed: November 29, 2019
Accepted: December 2, 2019